

О. Н. Копылова*

Воспоминания протоиерея Николая Князева (1947 г.)

В материалах личного архива митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова)¹ в фонде Совета по делам религий при Совете Министров СССР Государственного архива Российской Федерации (ф. Р-6991, оп. 7) хранятся письма протоиерея Николая Яковлевича Князева, адресованные архиепископу Ярославскому и Ростовскому Димитрию (Градусову)². Они представляют собой воспоминания старца о первоиерархах и архиереях Русской Православной Церкви, с которыми он был знаком на протяжении своей учебы в Московской Духовной академии, а также в период длительного церковного служения в Тульской и Самарской епархиях в последней четверти XIX — начале XX столетия.

Воспоминания написаны по просьбе архиепископа Ярославского и Ростовского Димитрия (Градусова) на тетрадных листках четким разборчивым почерком. Они характеризуют предстоятелей и архиереев Русской Православной Церкви — Святейших Патриархов Московских и всея Руси Тихона и Алексия, митрополита Петроградского Питирима (Окнова), митрополита Крутицкого Петра (Полянского), митрополита Ярославского Павла (Борисовского), митрополита Евлогия (Георгиевского), а также графа В. А. Бобринского, вложившего немалый вклад в развитие духовного образования в России конца XIX — начала XX в. Письма-воспоминания уникальны. Они написаны в июле-августе 1947 г. 80-летним старцем, обладавшим, несмотря на почтенный возраст, прекрасной памятью и живым складом ума. Подобных документальных источников сохранилось до наших дней крайне мало.

Сведения о Николае Князеве можно обнаружить в его письмах-воспоминаниях и стихах-исповеди, также сохранившейся в архиве митрополита Григория (Чукова). Кроме того, в Центральном историческом архиве Москвы в фонде Московской Духовной академии хранится личное дело студента МДА Н. Я. Князева³.

Николай Яковлевич Князев родился 29 июля 1868 г. в семье священника в с. Красное Ярославского уезда Ярославской губ. В 1884–1888 гг. он учился в Духовном училище в Ярославле, а в 1888 г. поступил в Московскую Ду-

* © Копылова О. Н., 2006

Ольга Николаевна Копылова, кандидат исторических наук, начальник отдела Государственного архива Российской Федерации.

ховную академию, курс которой окончил в 1892 г. Его друзьями-сокурсниками были впоследствии выдающиеся архипастыри Русской Православной Церкви — Петр Федорович Полянский⁴, Павел Петрович Борисовский⁵, Василий Семенович Георгиевский⁶. Со многими из них судьба сводила протоиерея Николая и позже.

После окончания курса Московской Духовной академии Н. Князев некоторое время служил в Грузии в качестве законоучителя в Кутаисском Духовном училище, а затем занимал должности смотрителя Ефремовского и Кинешемского духовных училищ, наблюдателя церковных школ Тульской епархии. Именно тогда Н. Князев познакомился с еще одним действующим лицом своих воспоминаний — графом Владимиром Алексеевичем Бобринским⁷. Здесь же, в Тульской епархии, он встретился впервые с митрополитом Петроградским Питиримом (Окновым)⁸. Некоторое время о. Николай преподавал Священное Писание в Пензенской Духовной семинарии. В 1912 г. состоялась встреча Н. Князева с архиепископом Ярославским и Ростовским, позднее Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Тихоном. Тогда же он был назначен на должность смотрителя духовных училищ Самары. В 1914 г. о. Николай возведен в сан протоиерея.

После Октябрьской революции 1917 г. протоиерей Н. Князев в течение нескольких лет занимал должность преподавателя литературы, а также русского и немецкого языков в школе 2-й ступени в Самаре. В последующие годы перед выходом на покой он провел в деревне Ново-Дашково Некрасовского района Ярославской обл. В письмах-воспоминаниях протоиерей Н. Князев предстает человеком удивительной кротости, душевной щедрости и доброты, обладающим широкой эрудицией, прекрасным знанием русской литературы, Священного Писания.

15 мая 1948 г. архиепископ Ярославский и Ростовский Димитрий (Градусов) переправил письма-воспоминания протоиерей Н. Князева митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову) с просьбой помочь опубликовать ввиду их несомненного интереса и значимости для истории Русской Православной Церкви. Митрополит Григорий с интересом отнесся к творчеству протоиерея. Он прочитал все письма-воспоминания и на каждом документе оставил надпись о дате их получения — 19 мая 1948 г. Он же дал общее заглавие сочинениям — «Воспоминания, статьи и стихотворения протоиерея Николая Яковлевича Князева». Однако митрополиту Григорию издать воспоминания Н. Князева не удалось. После кончины митрополита Григория в 1955 г. при разборе его личного архива была сделана помета: «Можно напечатать их (привести немного в порядок)».

Настоящую публикацию открывают воспоминания прот. Н. Князева, состоящие из 7 очерков, затем приводятся его письма, адресованные владыке Димитрию. Завершает публикацию стихотворение в прозе, написанное Н. Князевым в мае 1948 г.

О. Н. КОПЫЛОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КНЯЗЕВА

Воспоминания. 21 июля — 24 августа 1947 г.⁹

В течение ряда лет, начиная с 1896-го года, я говел на Страстную седмицу и встречал Св. Пасху в Покровской церкви Московской Духовной академии, в коей получил образование. И вот живо представляются мне, когда я вспоминаю о чтении в оной 12-ти Евангелий в вечер Великого четверга, два молодых иеромонаха, один ниже ростом, другой повыше, оба красивые брюнета и оба с заливными лирическими тенорами. Как сейчас, слышу я густой бас тогдашнего преосвященного ректора академии Арсения¹⁰ (впоследствии архиепископа Новгородского), с широким русским лицом и окладистой русой бородой, когда он возглашал: «Рече Господь своим ученикам: ныне прославися Сын человеческий» (Иоанн XIII, 32), и захватывающие своею выразительностью нежные голоса упомянутых иеромонахов. Друг против друга стояли они, млеко одной духовной матери сосали тогда, а ныне — один из них — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий и другой — глава зарубежных раскольников, б[ывший] председатель Архиерейского синода за границей Анастасий¹¹. Воистину сбылись над ними слова Спасителя: «Тогда два будета на сем, един поемлется и другой оставляется. И две мелюше в жертвах: едине поемлется и едине оставляется» (Матфей 24, 40–41). Вот когда «открываются помышления многих сердец» по реченному Св. Симеоном Богоприимцем (Лука II, 35), когда одни восстают, а другие падают.

О Блаженнейшем Патриархе Тихоне

В 1912 году, в бытность Святейшего архиепископом Ярославским, я сидел в приемной его комнаты в Спасском монастыре, намереваясь подать ему просьбу о предоставлении меня Свят[ейшему] Синоду на должность смотрителя Ростовского Дух[овного] училища. Были там и другие просители. У всех у нас трепетали сердца при воспоминании о том, как, бывало, во гневе возвышал на нас, просителей, свой голос в Бозе почивший архиепископ Ионафан¹².

Но вот из внутренних архиерейских покоев выходит... большой серый кот, ложится на ковер и, мурлыча, принимает самые беззаботные позы. Отлегло у нас от сердца, ибо невольно думалось, что если даже домашние животные чувствуют себя в покоях Владыки спокойно, то тем более окружающие его и встречающиеся ему люди должны были чувствовать себя так же. Значит, со всеми ласков Владыка, и нам нечего попусту страшиться его. И действительно, Владыка, вышедший к нам вслед за упомянутым животным, обошелся со всеми нами кротко, приветливо, просто и добродушно, внимательно и участливо выслушивая просьбы даже и «несчастных левитов», как, бывало, именовал низших клириков Блаженной памяти Тульский преосвященный, ученый епископ Иринея (Орда)¹³. Принял и от меня мое прошение Высокопреосвященный Тихон, обещая оказать свое содействие. Но в непродолжительном времени Господь нечаянно сподобил

меня занять место смотрителя Самарского Дух[овного] училища, и вот я получаю от Владыки Тихона свое прошение обратно с самым сердечным поздравлением, написанным собственной его десницею,— поздравлением с назначением на искомую мною должность в большом приволжском губернском городе. Вскоре я снова удостоился видеть Высокопреосвященнейшего Тихона и беседовать с ним. Это случилось при обозрении им некоторых сел Ярославского уезда. Между прочим, он посетил и село Нетребово, где у меня был свой дом для дачного пребывания с семьей в летнее время. После обозрения храма Владыка проследовал в дом настоятеля оногo, а оттуда благоволил посетить и меня. Входя на крыльцо, обсохшие ступени которого закрипели под его стопами, он с милой улыбкой заметил: «Ах, и смотритель, что же вы не поправите крыльцо своего дома?» Затем, войдя в комнаты и благословляя членов моей семьи, он спросил у подошедшей к нему старшей дочери моей, где она обучается, и услышав, что в гимназии, поморщился и сказал: «Наверное, она набралась там нецерковного духа», а когда о подошедшем затем старшем сыне я сообщил, что он состоит воспитанником духовной семинарии, Владыка с удовольствием отметил: «Вот этот — уже наверное церковник». На сей раз Высокопреосвященный гость мой жестоко ошибался: дочь моя, воспитанная матерью в религиозном духе, и в гимназии, и затем на Высших женских курсах, и, наконец, в последующей 25-летней работе в советской школе сохранила свое церковное настроение, а сын-семинарист, увы! усвоил в семинарии дух индифферентности ко всему церковному и за это был наказан Господом Богом. Ушедши из семинарии добровольцем на войну с немцами, он пропал на оной без вести. Больше я с Владыкой Тихоном не встречался.

О Высокопреосвященнейшем Петре, митрополите Крутицком

Он был моим товарищем по академии. Имея счастье состоять родственником трех архиереев¹⁴, Петр Феодорович Полянский (мирское наименование Высокопреосвященнейшего Петра) занимал в общежитии студентов особое от нас, одиночное помещение, именовавшееся «столпом». Это был бравый юноша богатырского телосложения, с копной курчавых темнорусых волос на голове, с кротко верующими серыми глазами и с вечной добродушной улыбкой на симпатичном лице. Я близко сошелся с ним, переводя с немецкого (по 30 коп. с листка) пособия для его семестровых сочинений, а также и для кандидатского. Впрочем, П[етр] Ф[еодорович] был близок решительно со всеми товарищами. Со своими он был на ты. Обращаясь к любому из них, он неизменно начинал свою тираду словами: «Эй, малый!..» Нужно ли добавлять, как мы все льнули к нему тогда? Затем я не видался с П[етром] Ф[еодоровичем] целых 20 лет. Лишь в 1912 году, будучи членом-реvisorом Дух[овно]-учебного комитета при Св[ятейшем] Синоде и образовав по поручению тогдашнего обер-прокурора оногo Синода Вл[адимира] Карл[овича] Саблера¹⁵ духовно-учебные заведения г. Костромы, П[етр] Ф[еодорович] посетил затем Кинешемское Дух[овное] училище, где перед тем я был смотрителем, но по доносу помощника см[отрите]ля

О. Н. КОПЫЛОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КНЯЗЕВА

переведен был, с понижением, в Пензенскую Дух[овную] семинарию преподавателем Св[ященного] Писания. П[етр] Ф[еодорови]ч тщательно обревизовал училище, обнаружил мою невиновность, отметил положительные стороны моей там деят[ельно]сти, а затем посетил мою осиротевшую семью, не успевшую еще переехать в Пензу, и утешил ее перспективою лучшего будущего. Здесь, для уяснения дальнейшего положения, необходимо заметить, что, ревизуя Костромское епарх[иальное] ж[енское] училище, П[етр] Ф[еодорови]ч нашел в постановке учебно-воспитательной части его много недостатков, к великому огорчению епископа Костромского Тихона, благоволившего к начальнице сего училища [и] покровительствовавшего ей. И вот по жалобе Владыки, которому Вл[адимир] К[арлович] Саблер поверил больше, чем П[етру] Ф[еодорови]чу, последний попал в немилость к Вл[адимиру] К[арлови]чу, от коей, как он писал мне, страдал глубоко. Но тут я нечаянно помог ему — так же, как мышонок льву, запутавшемуся в сетях (в сказке Жуковского¹⁶). Ободренный данными, добытыми ревизею П[етра] Ф[еодорови]ча, я подал в Св[ятейший] Синод прошение о назначении меня см[отрите]лем дух[овного] уч[или]ща в Самаре. Заслушав оное, Вл[адимир] К[арлович] Саблер вспомнил мою усердную службу в Туле, где я в юности состоял Епархиальным наблюдателем церк[овных] школ и сопровождал Вл[адимира] К[арлови]ча, тогда еще Товарища обер-прокурора, при посещении им церк[овно]прих[одских] школ г. Тулы, коим Вл[адимир] К[арлович] остался доволен. Не забыл он также и моих неоднократных посещений церк[овной] школы в его имении в с[ель]це Тепельках Каширского уезда той же губернии (впоследствии здесь открылась женская ц[ерковно]-учительская школа). И вот Вл[адимир] К[арлович] настоял на моем назначении в Самару и в сердечных выражениях поздравлял меня с таковым собственноручным своим письмом. Вскоре я явился к нему в Петербург благодарить его. Вл[адимир] К[арлови]ч милостиво принял меня и с участием расспрашивал о моей служебной Одиссее. Этим моментом я воспользовался и открыл Вл[адимиру] К[арлови]чу подоплеку жалобы со стороны еп[ископа] Тихона на пристрастную якобы ревизию Костромского еп[архиального] ж[енского] уч[или]ща П[етром] Ф[еодорови]чем. Вл[адимир] К[арлови]ч на сей раз поверил более мне, чем Преосвященному Тихону, и вернул П[етру] Ф[еодорови]чу свое благоволение. Последний не находил слов, достаточных для того, чтобы отблагодарить меня за сие.

До самой революции мы с П[етром] Ф[еодорови]чем часто виделись и дружески переписывались. Революция разлучила нас навсегда. Мир праху твоему, непоколебимый Столп Православной Русской Церкви! Ты не пошел ни на какие соглашения с обновленцами, настойчиво предлагавшиеся тебе, и вожди их в отместку за это сватали тебе далекую Сибирь, в снегах коей ты безвестно почил. Верую, что последние слова твои были, как и у того великого Святителя, креста [коего] ты уподобился своей кончиною: «Слава Богу за все!»

О митрополите Евлогии

Василий Семенович Георгиевский (мирское наименование м[итрополи]та Евлогия) был, как и митр[ополит] Петр Крутицкий, также моим товарищем по академии и другом. Я бывал в доме его отца, священника бедного прихода в Каширском уезде Тульской губернии. Невысокого роста, ширококостный, о[тец] Симеон Иванович был веселого нрава и часто смеялся, громко и заразительно. Напротив, супруга его, тоже невысокого роста, но дородная, обычно молчала. От отца своего Вас[илий] Семенович унаследовал, таким образом, свою склонность к безобидному юмору, а от своей матери — сдержанность в речах и поступках.

Ничто не предвещало тогда, т. е. во время совместного обучения нашего в академии, что Вас[илий] Сем[енович] пойдет в монахи. Он не выдавался из среды товарищей ни своею показною набожностью, ни отшельническим нравом, ни постничеством, каковые качества отличали студентов, нам сопутствовавших в академии, Ник[олая] Конст[антинови]ча Добронравова (впоследствии епископа Саратовского и Пермского) и Вас[илия] Ив[ановича] Мещерского (впоследствии ректора той же академии, а под конец жизни — главу обновленческого раскола). Одно было примечательно: не чуждаясь никаких невинных развлечений и удовольствий студенческой жизни, ни бесед с товарищами, он во всем знал меру, не упускал ничего лишнего, вел себя при этом всегда как-то бесстрастно. Ничто не обладало им, по Апостолу. Обнаруживал он и юмор, но опять-таки как-то всегда кстати, никого не обижая и лишь побуждая нас улыбнуться. Не был и усердным посетителем профессорских лекций, но не был и праздным: всегда что-нибудь читал, писал или же рылся в библиотеке. Окончили мы с ним академический курс в первой десятке, соседями по разрядному списку, но он — повыше меня.

Затем, состоя помощником смотрителя Ефремовского, Тульской епархии, Дух[овно]го училища, Вас[илий] Сем[енович] и там (как я узнал впоследствии, проходя 10 лет должность смотрителя назв[анного] училища) не обнаруживал черт иноческого стиля, участвовал в товарищеских собраниях наравне со всеми сослуживцами, и я был немало удивлен принятием с его стороны ангельского образа. Но никогда в последующих нередких письмах к нему я не позволял себе расспрашивать его о мотивах столь решительного шага. И он, в свою очередь, тоже ничего не писал мне на этот счет, что я считал естественным, зная его сдержанность.

Лишь через 20 лет по окончании академии, а именно в 1912 году, будучи по делам в С[анкт]-Петербурге, я с радостью поспешил на свидание с ним, тогда уже епископом Холмским и членом Государственной думы. И что же увидел? Черты лица его мало изменились, однако студенческая худощавость заменилась среднею полнотою, но [на] какую-то прозрачную, безжизненную. Характер же его остался неизменным. Вас[илий] Сем[енович] оказался все таким же дружески-простым и искренно благожелательным, но без пафоса и риторики. Узнав, что я остановился в гостинице, а между тем наступил Великий пост, Владыка сказал мне: «Переходи, Яковлич (так обычно звали меня в былые времена товарищи-студенты), в мои архиерейские

О. Н. КОПЫЛОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КНЯЗЕВА

покои и будь у меня как дома». И я переселился к нему и действительно чувствовал себя здесь как дома. Нескончаемые воспоминания о студенческой жизни и интимные повествования о всех перипетиях последующих 20-ти лет занимали все наши досуги. Стол Владыки Евлогия был скромный, великопостный: горячее с грибами, котлета картофельная или рисовая и клюквенный кисель с миндальным молоком — вот было его (и мое) меню. Через неделю мы расстались и уже более не видались, хотя дружеская переписка между нами не прекращалась до самой революции. С 1918-го года, после его отъезда за границу, я имел уже очень сбивчивые и недостоверные сведения о нем. На склоне дней своих я получил духовное утешение прочесть в нашем патриаршем журнале о его присоединении к Московской Патриархии, после чего искал случая возобновить с ним сношения, но не успел в этом. Кончина постигла его прежде, нежели мое письмо дошло до него. Но молитвенного моего общения с ним ничто не прервет — ни широта, ни глубина.

Р. С. Священник соседнего с моим приходом недавно рассказал мне эпизод из своей пастырской практики прежних лет, ярко характеризующий Владыку Евлогия. Дело происходило близ г. Владимира-Волынского в предреволюционное время. Прихожане церкви, в коей священствовал вышеупомянутый иерей, отказались без достаточных оснований выплачивать ему договоренное жалование. Сей иерей отправился жаловаться на прихожан архиеп[ископу] Евлогию, управлявшему тогда Волынской епархией, и Владыка рек ему: «А ты не служи». Так и сделал оный иерей. Прихожане в свою очередь поехали жаловаться Владыке на «своеволие» своего пастыря. «А вы почему не исполняете своих договорных условий со священником?», — ответил он. Жалобщики смирились, возобновили прерванную плату, и богослужение у них восстановилось.

О Павле, митрополите Ярославском

Им заканчиваю я наш академический квартет (5-м членом нашего интимного академического кружка был еще некто Ив[ан] Мих[айлович] Воронцовский, выдающийся педагогический талант которого доставил ему впоследствии высокий пост попечителя Оренбургского учебного округа, но я пишу здесь только о наших православных иерархах и вынужден о нем умолчать).

Павел Петрович Борисовский (мирское звание м[итрополита] Павла), в противоположность всем вышеописанным иерархам, был человек замкнутый и сосредоточенный в себе, молчаливый. Я никогда не видел улыбки на лице его. Всегда он был углублен в размышления, в дело, неопустительно посещал лекции профессоров и окончил курс академии 4-м студентом-магистром. Ни с кем, кроме нас троих (П[етра] Полянского, Вас[илия] Сем[еновича] Георгиевского и меня), он не сходил и не был откровенен, и нам он не показывал всего себя. В «святые святых» его души никто не входил. Он как бы предчувствовал трагический конец своей земной жизни и заранее готовился к оному, хотя попутно и узнал радости семейной жизни, правда, непродолжительное время. Вспоминается мне такой комический эпизод из нашей академической жизни. Мы праздновали день ангела нашего

любимого о[тца] ректора архим[андрита] Антония (Храповицкого)¹⁷. Соответствующую сему случаю речь мы поручили произнести Павлу Петровичу, как превосходившему всех нас своею дидактичностью. И он долго трудился над ее составлением и все ходил по занятой комнате и затверживал ее. Мы думали: то-то разразится и покажет себя. Вот кончилось богослужение в академической церкви, и мы собрались для чествования о[тца] ректора в покоях его. В сей самый торжественный момент Павел Петрович выступает из среды нас, приближается к о[тцу] ректору и произносит: «Ваше Высокопреподобие, высокочтимый и любимый наш о[тец] ректор!..» Мы с нетерпением ждем, что он изречет далее. Но... секунда, другая, третья — молчание! П[авел] П[етрович] то краснеет, то бледнеет, но не издает ни звука. Что-то заслонило в его памяти затверженную и, должно быть, перетверженную им речь. Наступает тягостное безмолвие. Но тут о[тец] ректор, блестя своими голубыми глазами, подходит к нему, обнимает и говорит: «Ничего, ничего, П[авел] П[етрович], не смущайтесь! Я ведь заранее знал, что Вы хотели сказать... Пожалуйста, господа, за уготованную вам трапезу», — обратился он к нам ко всем, и, т[аким] о[бразом], инцидент был благополучно исчерпан.

В последующее время П[авел] П[етрович] ни со мной и ни с кем из нашего квинтета не переписывался. Я имел утешение видеть его уже митрополитом Ярославским и Ростовским незадолго до печального финала его иерархического подвига. Владыка митрополит изрядно пополнил и украсился длинною и широкою бородою, как-то не шедшею к его невысокому росту. Он, как видится, был искренно рад мне. Мы вспомнили близких нам по духу товарищей, поведали друг другу каждый свое curriculum vital¹⁸, но я долго не задерживал его, а он, в свою очередь, тоже не удерживал меня, и мы расстались... навсегда.

Верую, что Господь украсит Своего верного раба в Небесном Царствии мученическим венцом.

О митрополите Петроградском Питириме¹⁹

Обе зари моей служебной жизни — и утренняя и вечерняя — трогательно слились с таковыми же на иерархическом поприще названного первосвященителя: утренняя — в г. Туле, вечерняя — в г. Самаре. Свет и тени причудливо перемешались в этой своеобразной личности. Свет — это излучение его богато одаренной души, а тени — это отражение вековых традиций архиерейского быта. На хребте нашего дореволюционного православного архиерея работали все начальники страстей: и келейник, и духовник, и личный секретарь, и секретарь Консистории, и обер-прокурор Св[ятейшего] Синода с его товарищем. Нижеследующая биография Владыки Питирима воочию убедит в этом каждого.

I

1896 год. Зима. На смену ученому Иринею (Орде), суровому в обращении, но с любвеобильным сердцем, на тульскую епископскую кафедру

восшел преп[одобный] Питирим (Окнов), епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии, обративший на себя внимание товарища обер-прокурора Св[ятейшего] Синода Вл[адимира] К[арловича] Саблера своею вдохновенною речью, которую епископ произнес на торжестве открытия мощей святителя Феодосия Черниговского²⁰.

Только что вышедший из юношеского возраста, красивый, темноволосяй, с длинными черными ресницами над карими очами, с молочного цвета лицом, с мелкими жемчужными зубами, блестящими из-под тонко очерченных губ небольшого рта, с тонким классически-правильным носом, мягкий и деликатнейший в обращении со всеми, даже с низшими членами клира, Преосв[ященный] Питирим произвел в первое время чарующее впечатление на тульскую паству. Каждому просителю, с трепетом приступавшему к нему (так было при еп[ископе] Иринее) он неизменно говорил: «садитесь», каждого внимательно выслушивал и, отпуская, обнадеживал. Но... от слов до дела оказывалась «дистанция огромного размера».

Нужно заметить, что Преосв[ященный] Питирим привез с собою из Чернигова целый штат свиты: келейника, духовника, личного секретаря и хор певчих. У последних были чудесные голоса; украинский лиризм их пения далеко оставлял за собою великорусское эпическое громогласие. Молящиеся были в восторге. Но беда была в том, что вся упомянутая свита Владыки Питирима тесным кольцом окружала его как в личной его жизни, так и в его служебной деятельности. Она оказалась средством, разобщавшим Владыку с пастырями и пасомыми его новой паствы. Через лиц этой свиты Преосв[ященный] Питирим изливал свои милости к одним, смягчал свой гнев на других. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться более дальновидные из коренных тульских пастырей и пасомых, [которые] заводили близкое знакомство с приближенными ко Владыке лицами, и мы постепенно убеждались в том, что строгое беспристрастие в резолюциях Владыки, преломляясь сквозь призму влияний на него тех или других приближенных лиц, давало иногда значительные отклонения от «прямой». Так мы стали более и более разочаровываться в своем архипастыре.

Здесь следует упомянуть особо об одном из таковых временщиков Владыки Питирима. Это был некий о[тец] Амвросий Врете (мы же звали его «Амвросий Вредный»), темный выходец из Македонии, человек нетрезвого поведения. Он на некоторое время совершенно завладел Преосвящ[енным] Питиримом, бесцеремонно водил его десницею при наложении резолюций и наделал немало бед отдельным лицам. Самым произношением своим слова «владыка» [он] как бы позор[ил] его, ибо «в» выговаривал как «б», слог «ла» как «ля», а слог «ды» как «ди». Получалось слово прямо нецензурное. А как македонянин, иначе произнести оное слово он не мог. К счастью, он также внезапно исчез с горизонта нашей епархии, как и появился в оной.

И тем не менее Владыка немало добра сделал за время своего 10-летнего управления Тульской епархией. Он построил несколько прекрасных храмов в оной, умея расположить к тому жертвователей. Например, при Тульском епарх[иальном] свечном заводе, при Дух[овном] училище г. Ефремова,

а посещая церкви при объездах епархии, обращал свое внимание на содержание кладбищ, не тяготясь пройти вдоль и поперек каждое из них. Он заботился об умножении церковноприходских школ и школ грамоты, умножил их действительно и поставил на подобающую высоту, обладая даром привлекать к себе лиц, кои могли быть полезны делу. Неопустительно посещая церковные школы при своих частых поездках по епархии, он любовно беседовал с учащими и учащимися, вникая в нужды школ, и давал мне, сопровождавшему его по должности Епарх[иально]го набл[юдате]ля ц[ерковных] школ, соответствующие указы. В летнее время он устраивал в Туле курсы для учителей и учит[ельни]ц ц[ерковных] школ.

Далее он устроил у себя, на архиерейском дворе, церковно-певческую школу — рассадник псаломщиков, бывал в ней ежедневно и заботился о каждой мелочи в ее быте. Наконец, и я считаю это самой главной заслугой Преосв[ященного] Питирима, он устроил в г. Белеве 2-е епархиальное женское училище. Много энергии потратил он на борьбу с духовенством в этом предприятии своем. Духовенство ради своих личных удобств тянуло устроить 2-е епарх[иальное] ж[енское] училище в Туле, где у многих учились сыновья в Дух[овной] семинарии и куда всем было необходимо часто ездить по своим служебным или личным делам. Но Преосв[ященный] Питирим проявил в этом случае необыкновенную моральную чуткость. Он знал, как дурно влиять может на юную, отроческую и девическую душу улица большого промышленного города, неизбежно врываясь и за стены училища. Он видел отвратительные сцены пьяного разгула заводских рабочих и кустарей-слесарей Заречной (т[ак] н[азываемой] Чулковой) слободы Тулы²¹, так живо описанной Г. Успенским в его «Нравах Растеряевой улицы». На эти сцены смотрели из окон Тульского епарх[иального] ж[енского] училища юные питомицы. Они даже слышали ругательства чулковских обитателей, так как названная слобода расположена была как раз насупротив училища, об-он-пол [так в тексте. — О. К.] реки Упы. И Владыка настоял на своем и открыл 2-е еп[архиальное] ж[енское] училище в г. Белеве, древнем городе со многими церквами, тихом и патриархальном.

Преосвященному возражали, что он не найдет достойных кандидатов и кандидаток для замещения должностей начальницы, инспектора классов, преподавателей наук и воспитательниц училища, но Владыка блистательно опровергнул это возражение, ибо нашел для Белевского ж[енского] училища прекрасную, душой и телом преданную делу начальницу и выдающегося по своему педагогическому такту педагога-инспектора классов И. М. Воронцовского, и хороших преподавателей наук, и, наконец, неплохих воспитательниц. (Все это я знаю потому, что моя дочь воспитывалась в первых классах сего училища и в нем получила добрую закваску на всю последующую жизнь.) Пятнадцать лет процветало в Белеве это училище, до самой революции, выпуская ежегодно из своих стен правоспособных учительниц для церковноприходских школ и добрых матерей и жен для семейств духовенства.

В храмах служил Преосв[ященный] Питирим вдохновенно, со слезами умиления причащался Св[ятых] тайн и производил на молящихся глубокое

Н. О. КОПЫЛОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КНЯЗЕВА

впечатление своими проповедями. Св[ятейший] Синод оценил труды и заслуги Преосв[ященного] Питирима и переместил его на Курскую, более видную епископскую кафедру. Здесь мы на время расстались, но я, посещая изредка его в Курске, видел, что он доволен своим положением, и не знаю, что послужило потом причиной его опалы, когда он переведен был в викарии Владикавказской епархии, во епископа Моздокского. Вероятно, его подвели его приближенные, злоупотребляя своим влиянием на его деятельность. Я никогда впоследствии его об этом не расспрашивал, опасаясь разбередить его сердечную рану. Что переиспытал Владыка в своем изгнании, одному Богу известно, но когда он своими страданиями искупил вольные и невольные вины свои, Господь вновь взыскал его и поставил на свещнице, еще более высокою.

Летом 1913 года лечился минеральными водами на Северном Кавказе высокопреосвященный митрополит С[анкт]-Петербургский Антоний (Вадковский)²². Увидев Владыку Питирима и побеседовав с ним, первосвященник пленился им и представил его также лечившейся на Кавказе великой княгине Елизавете Феодоровне²³, своей почитательнице. На последнюю Преосв[ященный] Питирим произвел приятное впечатление, и началось стремительное восхождение опального Владыки по ступеням иерархической лестницы.

II

1914 год. Зима. Самарский кафедральный собор (уменьшенная копия храма Христа Спасителя в Москве, увы, разделившая печальную участь своего оригинала), несмотря на ночное время, полон народа. И вот всеобщее волнение. Духовенство в облачениях спешит в притвор. Несколько минут томительного ожидания, и в притвор при торжественном пении хора на кафедру восходит б[ывший] епископ Моздокский Питирим. Но, Боже мой, какая перемена с ним! В Туле в 1896 году такой прямой, стройный, гибкий, ныне он уже заметно согнулся, плечи чуть-чуть выдались вперед, ланиты и лоб приняли желтоватый, пергаментный оттенок, волосы на голове поредели и укоротились... Видимо, нелегко далась Преосв[ященному] Питириму ссылка на Кавказ. Но глаза его все те же, горят юношеским блеском, и все то же милое, очаровательное выражение лица. Вот он открыл уста свои, и раздалась все такая же звучная, как и в Туле, бывало, выразительная, вдохновенная речь. И вновь, как и там, Преосв[ященный] Питирим сделался вскоре кумиром города. Чем далее служил он, тем богаче пленял свою новую паству, и мы, сослужившие ему в кафедральном соборе, вместе с ним плакали от умиления при чтении им евхаристических молитв и за причащением. Собор неизменно был полон за его служением.

Но «недолги были радости», скажем мы словами поэта Некрасова (из стихотв[орения] «Орина, мать солдатская»). Летом стало известно, что Владыку переводят Экзархом Грузии. Не желая являться туда безоружным, будущий Экзарх брал покамест у меня уроки грузинского языка (ибо по окончании академии несколько лет [я] служил в Грузии и ознакомился

с господствующим ей наречием) и не расставался с грузинскою грамматикою, которую я ему дал и которую он взял с собой на место нового назначения.

И вот его последнее у нас богослужение. Собор переполнен. В последний раз звучит в Самаре его вдохновенное слово. Слушатели и слушательницы впились в него глазами, как бы желая на всю жизнь запечатлеть в своей душе его образ. Кончилась служба. Пред выходом к народу Владыка плакашея на вые моей (и в тот же день телеграммой исходатайствовал мне у Св[ятейшего] Синода сан протоиерея). Наконец, он показался на кафедре, и Боже мой! что было, когда, благословив всех богомольцев, Преосв[ященный] Питирим подошел к выходу. Поднялся общий вопль. Падая к ногам Владыки, ловили и целовали края его мантии. И все больше была молодежь. Наконец-то отпустили его сесть в карету. Прошло после того несколько часов. Но вот уже и поезд, увозящий нашего любимого Владыку. Прекрасный летний день. Вокзал и дебаркадер полны провожающими. Вот Владыка в вагоне и из окна благословляет народ. Общее пение церковных песнопений. Наконец поезд медленно трогается. Пение продолжается, и мы бежим параллельно движению поезда, долгое время споря с его увеличивающейся быстротою. Но поезд скрывается за закруглением, и мы печально расходимся по домам. Пусто и одиноко на душе.

Дальнейшее известно. В непродолжительном времени архиепископ Карталинский и Кахетинский Экзарх Грузии Питирим назначается митрополитом Петроградским и вскоре становится любимцем царя и царицы²⁴. Я жду исполнения данного мне Владыкою обещания взять меня к себе в Петроград. Но грянули громы революции, и митрополит Питирим оказался за несколько тысяч верст от своей резиденции, в заоблачных высотах Кавказа, в одном из нагорных монастырей его. Там и угасла жизнь его, полная превратностей. Кажется, еще ни один из митрополитов Русской Православной Церкви не оканчивал *так высоко* своего земного поприща. Мир праху его! Да простит Господь вольные и невольные согрешения его, дань ушедшим ныне в область истории дореволюционным традициям, ради содеянного им добра, ради переполнявшей его сердце любви ко всем, где бы он ни находился, да соделает его участником Своего Небесного Царствия!²⁵

*О почетном попечителе церковных школ Тульской епархии
графу Владимире Алексеевиче Бобринском*

Мой сверстник по летам граф Владимир Алексеевич Бобринский, потомок Екатерины II и ее первого (по времени) фаворита Алексея Орлова, проживал в то время, когда я состоял тульским Епархиальным наблюдателем церковных школ в Богородицком уезде Тульской губернии, во дворце, построенном названной императрицею. С первых же дней моего знакомства с ним как с почетным попечителем церковных школ меня удивил богатый запас в нем богословских познаний и в особенности основательные знания церковной истории. Не менее поразительным явилось для меня и его отношение к духовенству: он часто посещал оное в тех приходах, где были церковные школы, интересовался не только состоянием школы, но вникал и в

О. Н. КОПЫЛОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КНЯЗЕВА

личный быт духовенства, [отцов] заведующих и законоучителей церковных школ, охотно беседовал с ними и запросто пребывал в их домах. Наконец, что особенно было примечательно, он выказывал глубокую любовь к церковной школе и в качестве председателя Земской управы всячески материально содействовал оной, располагая своим авторитетом земские собрания к ассигнованиям на сии школы. В частности, свой родной Богородицкий уезд гр[аф] Вл[адимир] А[лексеевич] Б[обрин]ский покрыл густою сетью женских воскресных школ [точнее Воскресно-Пятницких, ибо занятия в них производились не только по воскресеньям, но и по пятницам.— *Авт.*], каковые учреждал и содержал на свои личные средства. [На одной из воспитанниц этих школ, бедной крестьянской девушке, носившей домотканую «паневу» из овечьей шерсти, гр[аф] Вл[адимир] А[лексеевич] Б[обрин]ский впоследствии и женился. В 1912 году я ее видел в Петербурге уже графиней, матерью целого выводка детей, таких же красивых и румяных, как она. Ее руку целовали тогда титулованные сановники. Держала она себя с замечательным тактом. Она воспринимала от купели моего младшего сына.— *Авт.*]

Вообще гр[аф] Вл[адимир] А[лексеевич] Б[обрин]ский очень любил церковные школы и был убежден, что они воспитывают народ в духе св[ятой] православной веры и в доброй христианской нравственности. Он считал их тем Архимедовым рычагом, посредством которого Православную Русскую Церковь, в отношении ее влияния на государство и общество, можно повернуть к временам царя Алексея Михайловича. Нужно ли добавлять, что на почве этих убеждений и вытекающего отсюда ревностного служения церковной школе гр[аф] Вл[адимир] А[лексеевич] Б[обрин]ский тесно сблизился со мною. Мы целыми неделями и даже месяцами ездили вместе по епархии, посещая церковные школы, инспектируя учащихся и вникая во все школьные нужды, а вместе с тем благотворно влияя и на [отцов] заведующих и законоучителей сих школ. Вскоре я по расстройениям этими поездками, от природы слабый здоровьем, вынужден был отказаться от должности Епархиального наблюдателя, но я знаю, что и при моих преемниках граф продолжал свою благотворную для церковных школ деятельность.

Впоследствии он был избран членом Государственной Думы, примкнул к партии октябристов и был если не вождем, то одним из самых влиятельных членов. Это явствует из того, что он был избран Председателем думской комиссии по церковным делам, т.е. по рассмотрению и удовлетворению материальных нужд Церкви средствами Государственного казначейства. Сколько добра сделал здесь гр[аф] Вл[адимир] А[лексеевич] Б[обрин]ский для Церкви и духовенства, какие щедрые ассигнования провел он в Комиссии, а затем и в Думе на нужды Церкви, ее школ, духовно-учебных заведений и духовенства,— это тогда всем было известно, и оттого его имя с уважением произносилось не только обер-прокурором Св[ятейшего] Синода Вл[адимиром] К[арловичем] Саблером, но и всеми преданными Церкви и, в первую очередь, служителями ея.

С наступлением Октябрьской революции гр[аф] Бобринский удалился за границу, и нынешнее наше духовенство, возможно, уже не знает о его

ПУБЛИКАЦИИ

великих заслугах Церкви за означенный период времени. Мой долг — довести об этом до сведения современников. Жив ли ныне гр[аф] Вл[адимир] Ал[ексеевич] Б[обрин]ский, где проживает и на каком поприще подвизается, где и как живет его семья,— мне не известно.

Этилог (Pro domo sua)²⁶

Считаю не лишним в заключении добавить, что моя близость к гр[афу] Вл[адимиру] Ал[ексеевичу] Бобринскому внесла мое скромное имя в послереволюционную летопись, хотя и в неверном освещении. Дело в том, что в 1905 году, в период волнений крестьян и захвата ими помещичьих усадеб, в один прекрасный осенний вечер, когда я был во дворце графа, последнему дали знать о поджоге крестьянами одного из его 11-ти хуторов²⁷. Тотчас же прибыв на место происшествия, мы увидели горящий стог пшеницы, большую толпу шумевших около него крестьян и станового пристава. Мы приблизились к этому стогу, и я обратился к крестьянам со словами упрека за безрассудное уничтожение хлебных запасов, нужных одинаково для всех граждан, без различия сословий. Тогда один из слушателей, в свою очередь осуждая меня за выступление в пользу «бар», схватил меня и ввергнул в горящий стог. Однако становой пристав в тот же момент извлек меня оттуда целым и невредимым. Этот факт сделался достоянием печати. И вот Михаил Ив[анович] Калинин в своей летописи предреволюционных событий из крестьянской жизни поместил оный в доказательство общности классовых интересов помещиков и духовенства. На сей раз Мих[аил] Ив[анович] ошибался, ибо не общие классовые интересы сблизили меня с гр[афом] Вл[адиomiром] Ал[ексеевичем] Б[обрин]ским, а общая любовь к церковной школе, общая вера в ее благотворное значение для народа, вытекающее отсюда общее служение ей. Но и не эта собственно близость к графу вызвала мое обращение к крестьянам, а лишь естественное нравственное чувство, возмущенное проявлением варварства.

Что я не был принципиальным сторонником дворян-помещиков и врагом трудового народа, это видно из следующего факта, имевшего место 13 лет спустя после описанного события. 8 июня 1918 г., когда г. Самару заняли с боями белые (чехословаки), коих торжественно встречала вся самарская буржуазия, разряженная в пух и прах, как избавителей от чужеземного ига, в присутствии некоторых из духовенства в блестящих ризах, в преднесении хоругвей, крестов и св[ятых] икон, при оглушительном звоне городских церквей. [Был чудесный летний день. Солнце сияло.— *Авт.*] Когда озверелые толпы белых во главе с офицерами преследовали по пятам защитников красной Самары и тут же на месте расстреливали их, в это время квартировавшие в здании Духовного училища (в коем я был тогда смотрителем) матросы 2-й воздушной бригады Балтийского флота, главные бойцы с белыми, бросились ко мне в квартиру, умоляя спасти их от настигавших их белых. И я тайными переходами тотчас же провел их на хоры училищной церкви, где было тогда сложено имущество ученического общежития, затворил в одежных шкафах с помощью подоспевшей училищной прислуги

О. Н. КОПЫЛОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КНЯЗЕВА

разным скарбом общежития. Ворвавшиеся вслед за тем в церковь белые во главе с офицером [счастье наше, что они сначала бросились осматривать наши спальни.— *Авт.*] тщетно заглядывали под престол и жертвенник, всходили и на хоры и, не найдя беглецов, удалились и побежали за ними дальше. В шкафах мною были спрятаны председатель [Аникиев Вас. Прокофьевич, кандидат партии ВКП(б), впоследствии врач в г. Угличе, ныне уже умерший (но жена его здравствует).— *Авт.*] и 10 человек — членов бригадного комитета. В течение трех суток я носил заключенным пищу и питье, а затем, когда террор прекратился, они все благополучно растаяли в пространстве.

Ровно через 4 месяца после описанного происшествия (8 октября 1918 г.) красные взяли обратно Самару без боя (ибо белые отступили). Мои матросы, вернувшись в училище, провели меня в губ[ернский] отдел нар[одного] образования с требованием допустить меня к продолжению педагогической работы в советской школе в *существ[ующем]* сане. Отдел сообщил обо всем вышеизложенном в центр. Москва дала разрешение на мое преподавание в Единой трудовой школе без сложения духовного сана. Отдел предложил мне место преподавателя литературы и языков — русского и немецкого — в одной из школ 2-й ступени г. Самары. И вот я с тех пор невозбранно работал, иногда даже совместно, а большею частью попеременно, на обоих, казавшихся непримиримыми, фронтах: и служителя Церкви, и преподавателя советской школы. Лишь потеря мною охранной грамоты, данной мне на таковое совмещение, вместе с прочими моими документами лишила меня привилегии быть работником советской школы с сохранением духовного сана, и я оставил школу.

После всего сказанного можно ли видеть общность классовых интересов помещиков и духовенства в вышеописанном деянии моем, имевшем место в 1905 году?

Протоиерей Н. Князев.

Село Ново-Дашково, Некрасовского района, Ярославской обл., п/о Красный Профинтерн

Письма

№ 1²⁸

15 мая 1948 г. — Письмо архиепископа Ярославского и Ростовского Димитрия (Градусова) митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову) с просьбой об опубликовании писем и воспоминаний протоиерея Н. Я. Князева в печати

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему митрополиту
Григорию (Ленинградскому)

Ваше Высокопреосвященство
Высокопреосвященнейший и дорогой Владыко!

Позволяю себе просить Вашу Высокую Святыню принять милостиво препровождаемые писания старца-протоиерея от[ца] Ник[олая] Князева

ПУБЛИКАЦИИ

(сугубо Вас почитающего): может быть, его «писания» и окажутся когда-либо интересными и полезными, и тогда Вы, при своем высоком авторитете, сможете (если найдете нужным) использовать их в печати.

С сыновней любовью к Вам и неизменно высоким уважением любящий и почитающий Вас Димитрий. 15 мая 1948 г. кончины (5-я годовщина) Святейшего Патриарха Сергия.

№ 2²⁹

31 июля 1947 г. — Письмо протоиерея Н. Я. Князева архиепископу Ярославскому и Ростовскому Димитрию (Градусову)

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

С радостным ощущением духовной красоты прочел я Ваше стихотворение в нашем духовном журнале³⁰. В нем обнаруживаются не только безукоризненная техника стихосложения, но и тонко чувствующая душа поэта.

Оное стихотворение придает мне смелости продолжать свои воспоминания, ибо и в них рисую, правда, презренною прозою, а не поэтическими перлами, и штрихами беглыми и бледными, тоже образы духовной красоты в лицах наших приснопамятных иерархов.

Вашего Высокопреосвященства низжайший послушник протоиерей Николай Князев.

Село Ново-Дашково

№ 3³¹

2 августа 1947 г. — Письмо протоиерея Н. Я. Князева архиепископу Ярославскому и Ростовскому Димитрию (Градусову)

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыка, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Не нахожу слов достойно благодарить Вас за Вашу попечительность и доброе мнение обо мне (каковое Вы и Владыка Леонтий³² высказали). Отпуском, милостиво мне данным, я воспользуюсь для продолжения прерванного мною лечения моей болезни в два срока: 1) между Третьим Спасом (16/29 августа) и «Иваном Постным» (29 авг[уста] — 11 сент[ября]) и 2) между праздником Воздвижения Креста Господня (14/27 сент[ября]) и Покровом Пресв[ятой] Богородицы (1/14 окт[ября]). Впрочем, отслужу и в день памяти Св. в[елико]м[у]ч[еников] Флора и Лавра и в неделю по Воздвижению, чтобы меньше богослужебных дней пропало.

В праздник Преображения Господня прочту верующим Ваше обращение к ним, в коем Вы снисходительно, но целесообразно возвышаете меня. Что-то будет без хлеба (коего я уже с 1 авг[уста] не вкушаю, довольствуясь картофелем и огурцами), силы слабеют, в глазах темнеет, ноги подкашиваются. Страшусь служить литургию. Как бы не пролить Св. Даров. Молока и яиц купить не на что, а верующие бесплатно таковыми со мной не делятся.

О. Н. КОПЫЛОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КНЯЗЕВА

Скромные доходы коплю на уплату подоходного налога. 15 августа срок взноса 550 р.: это для меня солидная сумма. А там — еще и еще.

Имел утешение получить вчера письмо от Владыки Леонтия. С восторгом описывает красоту заполярного г. Кировска³³, но обеспокоен угрожающим ему перемещением в Рыбинск: говорит, «привык я к г. Архангельску и его области, добился уважения и любви пастырей и пасомых, умножил и оплодотворил церковную ниву и устроил себе материальное благосостояние. Но да будет как во всем, так и в этом,— заключает он,— воля Божия и изволение Святейшего!».

Когда пишу, то меньше от голода страдаю. А по сему при сем препровождаю Вам свои *Воспоминания* о известных мне приснопамятных иерархах: на сей раз о митрополитах Евлогии Парижском и Павле Ярославском. Хочется еще вспомнить Питирима, митрополита Петроградского, с коим тесно связаны лучшие годы моего дух[овно]-учебного поприща и который так любил и возвышал меня и в Туле, и в Самаре. Но — до другого раза. Надобно пощадить и Вас, перегруженного служебными делами. Впрочем, читать сии Воспоминания для Вас будет отдыхом.

Вашего Преосвященства нижайший послушник протоиерей Николай Князев.

P. S. Как ни бедно я живу, как ни голодаю, но от всего сердца благодарю Господа Бога моего, что в мои 80 лет Он дает мне вождеденное здравие. Ни одно естественное отправление моего организма не ущемлено (исключая, впрочем, отправление мочевого пузыря, но сие не мучительно и поправимо). Доселе созерцаю я свет Божиего Сердца и иные красоты Божиего мира, доселе могу каяться во грехах своих. Это ли не великие милости ко мне Всевышнего? Ведь сверстники мои давно в сырой земле лежат...

Сейчас принесла мне с задворочной лачужки бедная женщина кусочек печения из «глутеня» (отброс переработки кукурузы), и горечь одного сладка для меня через ее милое сердце.

Прот[оиерей] Князев.

№ 4³⁴

19 августа 1947 г. — Письмо протоиерея Н. Я. Князева архиепископу Ярославскому и Ростовскому Димитрию (Градусову)

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыка, милостивейший Архипастырь и Отец!

Простите великодушно, что я продолжаю испытывать Ваше долготерпение своими перешедшими всякую меру излишними. Все думается, что когда-нибудь будет составляться полная летопись митрополитов Российской Православной Церкви дореволюционного периода, и тогда все, мною в сия в 6 очерках написанное, найдет себе надлежащее место и получит свою цену. Митрополитом Питиримом серия выведенных мною первоиерархов Российской Православной Церкви заканчивается.

Но прежде чем положить перо свое и запечатать уста свои, я не в долгом времени пришлю Вам краткий очерк еще одного церковно-общественного

деятеля того периода, с которым я был близко знаком и имя коего также должно войти в церковную летопись. Это Почетный попечитель церковных школ Тульской епархии и впоследствии член Государственной думы, граф Владимир Алексеевич Бобринский. Его заслуга для Церкви, как в епархиальном, так и в общероссийском масштабе, столь значительна, что было бы преступлением с моей стороны умолчать о нем. Но пока я даю Вашему Высокопреосвященству передышку. Приемля Ваше Святейшеское благословение, остаюсь недостойный протоиерей Н. Князев.

№ 5³⁵**22 августа 1947 г. — Письмо протоиерея Н. Я. Князева
архиепископу Ярославскому и Ростовскому Димитрию (Градусову)**

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыка,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Долг имею почтительнейше приветствовать Вас с одобрительной резолюцией Его Святейшества Патриарха Московского Алексия на вашем полугодовом отчете, о каковой извещены мы, районное приходское духовенство, нашим О[тцом] Благодинным.

Я ныне глубоко раскаиваюсь в том, что безрассудно беспокоил Вас просьбою поставить ультиматум верующим Новодашковской общины за недостаточную заботливость обо мне. В этом случае я поступил слишком малодушно, не по-иерейски. Я проникся пагубною, нечестивою мыслию, будто я вынужден священнослужить в одной общине ради насущного хлеба, и оттого я малодушествовал. В себя же пришел я ныне, исповедую, что я служу не ради хлеба, но ради прославления имени Божия и ради спасения ближних. Я *обязан* священнослужить, так как я — сосуд благодати (хотя и нечистый), каковая не должна оставаться во мне втуне. И мое служение, если оно благоговейно, одинаково высоко в очах Господних, будет ли оно совершаться в кафедральном соборе при огромном стечении молящихся или в небольшой сельской церкви, куда лишь «человека два вместятся помолиться». И вне храма, вне богослужения, я все время, и денно и нощно, состою на великом и славном посту стража каждой души верующей, готовый поспешить к ней на помощь в случае болезни или смерти, например, для подачи религиозного утешения и даров Св. Духа. Это ли не высокое служение? Но в таком случае Господь, — так я д[олжен] верить, — не оставит меня без куска хлеба. Псалмопевец сказал: «Возверзи на Господа печаль твою. И Той ты препитает». Я же, осуетившись, оземляившись, прогневал Господа Бога, и Он праведно затворил сердца моих пасомых. Я вспомнил ныне забытое мною изречение Господа Иисуса Христа: «Ищите прежде Царствия Божия и правды, и сия вся приложится вам». Думай не о хлебе, а о Боге и духовном благе ближних, и хлеб пошлется тебе, как некогда манна с небес евреям. А будешь помышлять только о хлебе, то и хлеба не станет у тебя. Вот что вещает мне ныне мой внутренний голос, голос иерейской совести. И я больше уже не буду беспокоить Ваше Высоко-

О. Н. КОПЫЛОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КНЯЗЕВА

преосвященство малодушными просьбами о вещественном. А за прошлое простите меня, покройте таковое своею святительскою мантиею!

«Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя». (Из трагедии Пушкина «Борис Годунов».) Посылаю Вам при сем свое последнее воспоминание. Мне теперь легко на душе. Я отдал Церкви свое духовное состояние, не зарыл свой талант в землю. Могу спокойно умереть.

Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник протоиерей Николай Князев.

Стихотворение протоиерея Н. Я. Князева

29 апреля/12 мая 1948 г. Село Ново-Дашково, Некрасовского района, Ярославской обл., п/о Красный Профинтерн

«Пора домой, не век скитаться...»³⁶

Восемьдесят оборотов Земля вокруг Солнца свершила
 После того, как волею Божью на свет я явился.
 Семь лет пред тем наш народ получил золотую свободу
 От крепостного засилья помещиков царскою волей.
 Трех государей правление я пережил,
 Слава Богу.
 Да пролетарской Республики 30 годов пролетело
 Над стародумной моей головой, и теперь до могилы
 Мне уж недолго осталось своими стопами
 В болезнях
 Прах земной попить, ожидая конца с нетерпением.
 Волны житейских страстей глубже, чем волны морские.
 В бурю плывущее судно душу мою колебало,
 Лоб покрывая морщинами, волос — сединой,
 А сердце,
 Бедное сердце, как парус ветром трепля, колыхая.
 Сколько падений, восстаний, ошибок немалых за этот
 Долгий период скитаний своих по земле совершил я!
 В бедности жил я, жил и в удовольствии, в чести и в бесчестии.
 Сколько высоких персон я наперсником
 Быть удостоен.
 Сколько гонений, клевет и несчастий иных перенеся,
 Божией воле смиренно во всем покоряясь
 И крест свой
 В жизни неся, о котором сам со слезами когда-то,
 Юношей будучи пылким, я умолял Провиденье.
 Ныне ль роптать мне на тяжести быта, которыми Вышний
 Душу мою от грехов очищает и к будущей жизни
 Мудро и благостно уготовляет. — Смирись
 И молись,
 Чтоб Он простил тебе зло и обиды, которых немало

ПУБЛИКАЦИИ

Ты своим ближним содеял: припомни их и покайся.
 Время к сему тебе благоприятное Богом дается.
 Может быть, завтра уже поздно то будет,
 И холодной могилы жертвою станешь ты, нем, недвижим.
 Пospеши же примириться
 Сердцем смиренным со всеми, тобой огорченными вольно
 Или невольно.— Боже и Господи Сил, мой Создатель!
 С миром мой дух прими в Свое Вечное Царство. Кончину
 Тихую, скорую мне сотвори и Святых Твоих Таин
 Мне причаститься перед последним дыханьем сподобь.
 Вы же, кого я прогневал чем-либо,
 Великодушно отпустите мой грех и меня помяните по смерти.
 Аминь!..

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Григорий (Чуков Николай Кириллович) (1870–1955), митрополит. С 1945 г.— митрополит Ленинградский и Новгородский.
- ² Димитрий (Градусов Владимир Валерианович) (14 июня 1881 — 10 апреля 1956), архиепископ. 24 января 1943 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 24 августа 1943 г.— епископ Ульяновский, с 1944 г.— епископ Рязанский и Шацкий, с 1945 г.— в сане архиепископа; с 13 января 1947 г.— архиепископ Ярославский и Ростовский. С 31 июля 1954 г.— на покое. 4 апреля 1956 г. принял схиму с именем Лазарь. Скончался 10 апреля 1956 г.
- ³ См.: Центральный исторический архив Москвы, ф. 829, оп. 4, д. 1728.
- ⁴ Священномученик Петр (Полянский Петр Федорович) (28 июня 1862 — 10 октября 1937), митрополит. В сентябре 1920 г. хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. С 1923 г.— архиепископ Крутицкий. В 1924 г. возведен в сан митрополита, член Священного Синода. По завещательному распоряжению Святейшего Патриарха Тихона от 7 января 1925 г. назначен 3-м кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. 12 апреля 1925 г. Собором 45 епископов утвержден в должности Местоблюстителя Патриаршего Престола. С декабря 1925 г.— в заключении. В 1997 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых.
- ⁵ Павел (Борисовский Павел Петрович) (29 октября 1867 — 6 октября 1938), митрополит. В 1916 г. хиротонисан во епископа. С 1921 г.— епископ Вятский и Слободской. В 1922–1927 гг.— в заключении и ссылке. В 1924 г. возведен в сан архиепископа. В мае 1924 г.— член Священного Синода. С 1927 г.— член Временного Патриаршего Священного Синода. С 1929 г.— архиепископ Ярославский и Ростовский, возведен в сан митрополита. 6 октября 1938 г. расстрелян.
- ⁶ Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) (10 апреля 1868 — 8 августа 1946), митрополит. 12 января 1903 г. хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмской епархии. Депутат II и III Государственных дум. С 1914 г.— архиепископ Вольнский и Житомирский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. В 1918 г. арестован по распоряжению правительства С. В. Петлюры. До лета 1919 г. находился в заключении на территории Польши. С 1920 г. в эмиграции. С 1921 г.— управляющий русскими приходами в Западной Европе, участник Русского Всеаграничного церковного Собора 1921 г. в Сремски-Карловцах. С 1922 г.— митрополит. С осени 1922 г. жил во Франции. Принимал участие в создании Русского православного Богословского института. Возглавлял

Комитет по строительству церкви Успения Божией Матери в Сен-Женевьев-де-Буа. В 1931 г. перешел под юрисдикцию Константинопольского Патриарха. После начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. выступал с патриотических позиций. В 1945 г. ходатайствовал о переходе под юрисдикцию Московской Патриархии и был назначен патриаршим Экзархом Русской Православной Церкви в Западной Европе. В 1945 г. получил советское гражданство. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в Париже.

- ⁷ Бобринский Владимир Алексеевич (1868 — после 1931), граф, политический деятель, крупный тульский землевладелец. В 1895–1898 гг. — председатель Богородицкой земской управы, считался либералом. В 1907 г. избран в Тульской губернии во II Государственную думу, где принадлежал к одной из фракций Союза 17 октября и «умеренным». В том же 1903 г. избран в III Государственную Думу, где сначала был одним из видных деятелей партии умеренно-правых. Энергично поддерживал политику П. А. Столыпина. Один из признанных лидеров так называемого Неославянского движения, в котором принимали участие В. А. Маклаков, П. Н. Милоков и др. Весной 1909 г. Бобринский вышел из фракции умеренно-правых, разойдясь с ней по национальному вопросу. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал в Константинополь.
- ⁸ Питирим (Окнов Павел Васильевич) (28 июня 1858 — 25 марта 1919), митрополит. С 1894 г. — епископ Новгород-Северский, с 1896 г. — епископ Тульский, с 1904 г. — епископ Курский, с 1909 г. — архиепископ Самарский, с 1914 г. — архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии, член Синода. С 1915 г. — митрополит Петроградский и Ладожский. С 6 марта 1917 г. на покое.
- ⁹ ГА РФ, ф. Р–6991, оп. 7, д. 143, л. 111–111 об., 114, 116–117 об., 112–112 об., 114–115 об., 105–106, 109–110 об., 106–108, 94–95, 98–104 об., 87–92. Подлинник. Рукопись.
- ¹⁰ Имеется в виду священномученик Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич) (22 января 1862 — 10 февраля 1936), митрополит. Занимал пост ректора Московской Духовной академии в 1898–1903 гг. С 1910 г. — архиепископ Новгородский и Старорусский.
- ¹¹ Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич) (6 августа 1873 — 22 мая 1965), митрополит. В 1919 г. эмигрировал в Константинополь. Член Всеаграничного Карловацкого церковного Собора 1921 г., товарищ председателя Собора. В 1938–1964 гг. — глава Русской Православной Церкви за границей.
- ¹² Ионафан (Руднев Иоанн Наумович) (1816–1906), с 1877 г. епископ, с 1883 г. — архиепископ Ярославский и Ростовский.
- ¹³ Ириней (Харисим Михайлович Орда) (1837–1904) — епископ Екатеринбургский, затем Орловский и Севский.
- ¹⁴ Так в тексте. Кого имел в виду автор воспоминаний, неизвестно.
- ¹⁵ Саблер Владимир Карлович (1847–1929), российский государственный деятель, юрист, статс-секретарь, сенатор, камердинер, член Государственного совета с 1883 г., управляющий канцелярией Святейшего Синода в 1883–1892 гг., с 1887 г. — личный секретарь великой княгини Екатерины Михайловны, в 1892–1905 гг. — Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода; в 1911–1915 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода. В 1925 г. был арестован, в 1926–1929 гг. находился в ссылке в Твери.
- ¹⁶ Имеется в виду сказка В. А. Жуковского «Война мышей и лягушек» (1831 г.) (см.: *Жуковский В. А. Сочинения*. М., 1954. С. 204–209).
- ¹⁷ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) (17 марта 1863 — 10 августа 1936), митрополит, в 1906–1907 гг. — член Государственного совета, в 1912–1917 гг. — член Святейшего Синода. Занимал пост ректора Московской Духовной академии с 1891 г.
- ¹⁸ Жизнеописание, краткая биография (пер. с лат. яз.).
- ¹⁹ Помета к данному разделу: «Назидательные для теперешних», неустановленного лица.
- ²⁰ Открытие мощей свт. Феодосия Черниговского состоялось 9 сентября 1896 г.
- ²¹ В Чулковской слободе в Заречье г. Тулы с конца XVI в. селились ремесленники и рабочий люд, связанный с патронным, самоварным, гармонным, частично и

ПУБЛИКАЦИИ

- оружейным и другими видами кустарного, а позднее — фабричного производства (см.: Край наш Тульский: Путеводитель. Тула, 2002. С. 31).
- ²² Антоний (Вадковский Александр Васильевич) (3 августа 1846 — 2 ноября 1912), митрополит. 3 мая 1887 г. хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1892 г.— архиепископ Финляндский, с 1898 г.— митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. С 1900 г.— первенствующий член Святейшего Синода.
- ²³ Елизавета Федоровна (1864–1918), великая княгиня, урожденная принцесса Гессенская и Рейнская, супруга (вдова) великого князя Сергея Александровича, сестра императрицы Александры Федоровны. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве. В апреле 1918 г. по распоряжению ВЧК арестована, выслана в Пермь, затем — в Екатеринбург. Убита 18 июля 1918 г. под Алапаевском. В апреле 1992 г. причислена Русской Православной Церковью к лику святых преподобномучениц.
- ²⁴ Имеются в виду последний российский император Николай II и его жена императрица Александра Федоровна.
- ²⁵ Помета неустановленного лица: «Летом 1917 г. митрополитом Петроградским был уже Платон, а затем Вениамин».
- ²⁶ В свою защиту (лат.).
- ²⁷ В действительности описываемые в воспоминаниях Н. Князева события происходили в апреле 1905 г. в деревне Жданки Богородицкого уезда Тульской губ. (см. Отношение № 161 тульского губернатора В. Шлиппе министру внутренних дел А. Г. Булыгину о волнениях среди крестьян в деревне Жданки Богородицкого уезда на хуторах графов Бобринских от 22 апреля 1905 г. (см.: Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. Ч. 1: Революционное движение в России весной и летом 1905 года. М., 1957. С. 609–611). В упомянутом документе прямо говорится: «Толпа крестьян снова стала неистовствовать: глумилась над приставом, заставляя его с вилами лезть на стог, угрожала ему оторвать голову, ругала графа, угрожая расправиться с ним. Находившийся здесь священник г. Ефремова Князев пробовал уговаривать крестьян образумиться, но они стали глумиться и над ним...» (с. 610). Этот факт был использован М. И. Калининым при составлении летописи крестьянского революционного движения (см.: 1905 г. Аграрное движение в 1905–1907 гг. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 126–128).
- ²⁸ ГА РФ, ф. Р–6991, оп. 7, д. 143. Подлинник. Машинопись.
- ²⁹ ГА РФ, ф. Р–6991, оп. 7, д. 143, л. 113–113 об. Подлинник. Рукопись.
- ³⁰ Имеется в виду стихотворение архиепископа Ярославского и Ростовского Димитрия (Градусова) «Христос Воскресе»: «Из года в год, порой весенней, нисходит в мир Святая ночь...» (см.: Журнал Московской Патриархии. 1947. № 4. С. 21).
- ³¹ ГА РФ, ф. Р–6991, оп. 7, д. 143, л. 81–82 об. Подлинник. Рукопись.
- ³² Леонтий (Смирнов Михаил Павлович) (20 мая 1876 — 28 января 1953), архиепископ. 6 мая 1944 г. хиротонисан во епископа Архангельского и Холмогорского. С 25 февраля 1952 г.— в сане архиепископа. Скончался 28 января 1953 г.
- ³³ Город Кировск входит в состав Мурманской обл.
- ³⁴ ГА РФ, ф. Р–6991, оп. 7, д. 143, л. 93–93 об. Подлинник. Рукопись.
- ³⁵ Там же, л. 118–119 об. Подлинник. Рукопись.
- ³⁶ Так начиналось любимое стихотворение Д. Ф. Голубинского, преподавателя естественных наук и апологетики в Московской Духовной академии, «великого нищелюбца, бессребреника и подвижника благочестия» (Примеч. авт.). (см.: ГА РФ, ф. Р–6991, оп. 7, д. 143, л. 85–86 об. Подлинник. Рукопись).